

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2021, №4, Том 12 / 2021, No 4, Vol 12 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2021.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/32KLSK421.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Кораблина, М. В. Феномен открытой культуры и вызовы современности / М. В. Кораблина // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2021. — Т. 12. — № 4. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/32KLSK421.pdf>

For citation:

Korablina M.V. The phenomenon of open culture and modernity challenges. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 4(12): 32KLSK421. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/32KLSK421.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 316.722

ГРНТИ 13.11

Кораблина Марина Викторовна

ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», Тюмень, Россия
Доцент кафедры «Межкультурной коммуникации»

Кандидат культурологии, доцент

E-mail: marinakorablina@yahoo.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3514-6945>

РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=683832

Феномен открытой культуры и вызовы современности

Аннотация. В работе анализируется феномен открытости культуры в контексте вызовов современности. Автор считает, что концепт «открытость» чрезвычайно актуализируется в современную эпоху, что открытость, являясь феноменом культуры, становится важным дискурсом для исследований. Применение феноменологического, компаративного, аналитического и историко-культурологического методов, а также парадигмального подхода позволило автору сконцентрировать проблемы современной культуры в ареале открытости и позиционировать несколько исследовательских парадигм понимания её сущности в контексте глобализации, представить новую парадигму открытой культуры. Автор выделяет следующие парадигмы: парадигма неравенства, фиксирующая технологическое неравенство культур, цифровые разрывы, неравномерное проживание глобализационного опыта. Парадигма кризиса культуры, которую составляют теории, основанные на идее масштабного кризиса современной культуры. Парадигма плюрализации культурной реальности, накопление новых смыслов множественности, плюральности, мозаичности и многоликости. В статье также затрагивается актуальная проблема эффективной межкультурной коммуникации, которая рассматривается в рамках диалоговой парадигмы. Обосновывая необходимость выделения парадигмы открытости культуры, автор рассматривает основные подходы к понятиям «открытость культуры» и «открытая культура»: философский, синергетический, культурологический. Проанализировав концепции исследователей, автор приходит к выводу, что открытость есть имманентное, сущностное свойство культуры. Но так как каждая культура всегда социально детерминирована и, существуя в определенном времени и пространстве, обладает специфическими цивилизационными, конкретно-историческими, этническими, национальными, региональными и другими характеристиками, то можно говорить о различной степени открытости, о разных моделях открытой культуры. Степень открытости своей культуры определяет общество. Понятие «открытой культуры» тесно переплетено с понятием «общества». Открытая культура — это интенционально заданный обществом тот или иной объем открытости культуры.

Ключевые слова: культура; открытость культуры; открытая культура; парадигмы культуры; диалог; философия культуры; современная культура

В связи с тем, что в последние годы такие концепты, как «открытость», «транспарентность» чрезвычайно актуализируются, возникает необходимость в определении их объема и содержания, фиксации той части действительности, отражением которой они являются. Важно обсудить исходные понятия теоретического порядка (что понимают под «открытостью культуры» и «открытой культурой»), далее — соотнести эти паттерны с предикатом «глобализация» и показать обусловленность актуализации открытости в связи с глобальным расширением коммуникации между культурами.

Применив *парадигмальный подход*, позволивший сконцентрировать проблемы современной культуры в ареале открытости, мы позиционируем несколько исследовательских парадигм понимания её сущности в контексте глобализации и представляем новую назревшую парадигму — парадигму открытости культуры. «Проблемная ситуация, актуализирующая культурологический анализ феномена открытости культуры в современном мире, определена специфичностью состояния культуры начала XXI века. Со всей очевидностью открытость становится новой для многих, но *актуальной для всех* ценностью, смыслом, императивом эпохи, центральным нарративом культуры. Закрытое — недиалогично, несинергично, механистично, сегодня нежизнеспособно. Смещение в сторону всё большей открытости становится самым существенным в развитии современной культуры» [1, с. 128].

Многие культуры в 21 веке переживают дискомфортное состояние, фактически порождённое сложившимся неравенством, которое зачастую носит острый характер. В этом контексте выделим *парадигму неравенства*, в которой принято заострять две стороны: акцентировать цивилизационное неравенство культур, это, во-первых, и то, что разные структурные компоненты культуры охвачены глобализацией в неравной степени, — во-вторых. Если мы вслед за О. Шпенглером разумеем под «цивилизацией» технологические и технические изобретения, то видим следующее: действительно, одни общества проходят электронную фазу развития, другие — еще доиндустриальную, т. е. они чрезвычайно неравномерно проживают свой глобализационный опыт. Многие культуры по причине катастрофических цифровых, электронных разрывов не ощущают себя технологически (или цивилизационно) полноценными, в связи с чем развивается весьма болезненный комплекс, осознание своего технологического несоответствия эпохе. Но поскольку в процессы глобализации в силу их объективности вовлечены все, то и реагировать на этот главный исторический вызов вынуждены также все.

В каждой культуре формируется свое понимание этого процесса и отношение к нему, создаётся локальная стратегия разрешения насущных проблем, которую зачастую приходится кардинально менять: от этого зависит статус — быть «субъектом» или «объектом» глобализации. Культуры, жившие в закрытом режиме (политика запретов, жесткий контроль над входящей информацией, авторитарный режим, идеологический монизм, ограничение внешних воздействий и т. д.) многие годы, понимают, что основной причиной их технического и технологического отставания была изоляция.

Западные культуры уже являются опытными субъектами глобализации и имеют преимущество, выдерживая глобальную конкуренцию и быстро адаптируясь к трансформациям внешней среды, оперативно осваивая новейшие мировые достижения. То, что они уже несколько десятилетий живут по модели с широким модусом открытости, позволяет им занимать сегодня более выигрышное положение «субъекта» глобализации. Но в последнее время мы наблюдаем, что Западу приходится все больше считаться с тем, что Не-Запад

начинает создавать ему серьезный противовес. Всё шире открывающийся не-западный мир вступает в новые для себя отношения с опытным и давно открытым Западом, и анализ процессов глобализации без учёта этого контекста не представляется возможным.

С другой стороны, нужно помнить и о неравенстве компонентов, охваченных глобализацией. Многие исследователи рассматривают глобализацию в основном как экономический термин. Специалист по стратегическому менеджменту Д. Тис утверждает, что сегодня во всех странах в сфере экономики отрасли действуют по *единой* модели (небольшие вариации возможны), по причине того, что «источники новых знаний стали более диффузными, и существенно возросла скорость выхода технологий на рынок» [2].

Что же касается культуры, связанной с духовным опытом, то она может функционировать по своей, уникальной, *значительно отличающейся* от других, модели. И тогда мы видим, как глобализация «буксует» и перманентно «спотыкается» на культуре. О том, что системность разорвана, и рассогласованность компонентов проявляется в значительной степени, подробно говорил Д. Белл [3]. Известная ремарка Э. Сепира — «цивилизация шагает вперёд, а культуру сдерживает ядро локальности» [4, с. 476] — звучит в той же тональности. С. Хантингтон также был убеждён, что поскольку культурные различия и особенности подвержены изменениям в меньшей степени, нежели экономические и политические, то их гораздо сложнее разрешать, либо сводить к компромиссу [5, с. 37]. А. Тойнби видел причину порождения «болезненного диссонанса» (а это есть симптом социальной болезни и надлома обществ) в том, что во многих обществах нарушается некое единое целое, экономический, политический и культурный элементы разделяются, в то время как крайне желательно, чтобы они были объединены внутренней гармонией социальной системы [6, с. 223, 249]. Одним из самых больших противоречий в мире становится тот факт, что гораздо быстрее развиваются материальные условия жизни, нежели её духовные составляющие (С. Капица). Выход из сложившейся ситуации напрашивается один — обеспечить сбалансированность *всех* элементов, коэволюцию, когерентность их развития. В рамках этой парадигмы можно зафиксировать следующие тенденции современной культуры: технологическое неравенство культур проявляется довольно явственно; желание сократить огромный разрыв побуждает «отстающих» вступать в глобальную коммуникацию. В то же время, культуры требуют своей «реабилитации» и устранения дисбаланса компонентов путём разработки оптимальных стратегий развития.

Далее обозначим довольно пессимистическую парадигму, сложившуюся в современной теории, которую можно сформулировать как *парадигму кризиса культуры* (даже её завершения).

Футурологические прогнозы, омрачённые идеей о кризисе человека, его идентичности, культуры, цивилизации, науки представлены в работах И. Валлерстайна, П. Бьюкенена, С. Хоружего, В. Сагатовского, В. Кутырева и многих других. Ф. Фукуяма, к примеру, предрекает «победу мирового рынка и «Запада» как типа культуры». Было бы неверным утверждать, что трагических предчувствий по поводу культуры не возникало прежде: об этом писали Ф. Ницше, О. Шпенглер, Й. Хёйзинга и др. А. Кожев предрекал секуляризацию и победу всемирного гражданина. О «культурной кристаллизации» и том, что вся культурная и общественная жизнь окостенеет, предупреждали А. Гелен, Ж. Бодрийар и Л. Мамфорд.

В социальном и культурном пространствах, т. е. в обоих своих жизненных пространствах, современный человек переживает огромный стресс, говорит Т. Кун. Человек, по выражению М. Маклюена, переживает «состояние сомнамбулического перехода», оказываясь всё чаще *между* культурами (новой и старой) [7, с. 80]. Главные причины, вызвавшие кризис, по мнению многих авторов, — это массовая культура и техногенное развитие цивилизации. Людей выманивают из жизни и культуры философией постмодернизма,

и они становятся бессильными перед агрессией искусственной, техногенно-виртуальной среды. Человек превращается в «гомутера» (гомо+компьютер); по причине «превышения всякой меры потери идентичности» приближается «его смерть как результат разрушения единства в нем естественного и искусственного» [8, с. 67].

Естественные науки описывают процесс критического этапа развития человечества с позиции теории эволюции систем. С. Капица объясняет отсутствие крупных идейных систем, конфликты и глубокие разрывы между богатыми и бедными, между материальной и духовной сторонами жизни людей физической неравновесностью системы (раньше она медленно развивалась, а сейчас наступил критический момент в истории цивилизации — система характеризуется крайне неравновесным состоянием). На формирование нормального распределения свойств нужно время, которого нет. В попытке отыскать выход из критического состояния происходит уход в сторону религиозного, общественного и т. д. фундаментализма; новый путь ещё не осознан, и на нашу общественную жизнь в большой степени влияет прагматизм [9, с. 55].

Некоторые исследователи (О. Тоффлер, Г. Померанц), размышляя о кризисе современности, в основном подразумевают западную цивилизацию, помочь которой в восстановлении потерянной целостности могут не-западные культуры. Многочисленные представители Запада всё чаще обращаются к Востоку, к йоге, дзэн-буддизму, суфизму и т. д., так как не удовлетворены «культурой мёртвого бога», доминирующим в ней рационализмом, чувствуют его ограниченность. В Востоке они находят «живого бога» и духовность. Культура Запада, испытывая глубокий кризис, ищет новые, непривычные для себя пути, чтобы выйти из состояния духовного вакуума, так как «вербализованное ... христианство уже не удовлетворяет ищущего западного человека» [10].

Так, означенную выше парадигму составляют теории, основанные на идее масштабного кризиса культуры, указывая разные причины и предлагая пути выхода из кризисного положения, в которое попала современная культура.

Одной из самых значительных и ярких тенденций современной культуры является **плюрализация культурной реальности**, которую мы предлагаем выделить в отдельную парадигму. Дискурсы, сцепленные с плюралистической парадигмой, особенно интенсивно пересекаются в западных обществах, которые стали поликультурными пространствами в результате политики «открытых дверей», приведшей к дифференциации и диверсификации культурных различий, уплотнению поликультурного пространства [11, с. 4]. Разнообразные культурные миры со своими особыми традициями, другим восприятием мира, другой верой и паттернами поведения внедряются в ткань принимающего пространства.

Ежедневно внедряясь в социальное и культурное пространство западного общества огромными потоками мигрантов, Не-Запад активно занимает в нём своё место, что влечёт за собой серьёзные последствия, когда ни одна культура уже не остается прежней. В её бытие вклиниваются *«иные»* существенные смыслы» (не высшие или низшие, а просто иные), каждый из которых претендует как на единственность, так и всеобщность. Все вместе эти «ценностные и смысловые спектры оказываются значимыми одновременно», и в итоге человек теряет комфортное место «точки», попадая в промежуток между различными пересекающимися и встречными кривыми. Так убедительно описал ситуацию В. Библер [12, с. 175].

В культурном пространстве Запада оседают многочисленные представители других цивилизаций; Запад приглашал рабочих, а в итоге получил людей (М. Фриш) [13, с. 280]. Комментируя одну из причин возникающей проблемы, А. Тойнби писал, что в период миграции на «борту корабля» «в свернутом виде» хранится культурный и социальный багаж мигрантов, но как только мигранты выходят на чужой берег, их багаж «развертывается»,

обретая прежнюю полную силу. Однако чаще всего выясняется, что тщательно сохраняемый в момент путешествия и представлявший существенную ценность для мигрантов багаж, на новом месте «утрачивает своё значение или не может быть восстановлен в первоначальном виде» [6, с. 134]. С чем в новом для себя пространстве в первую очередь сталкиваются мигранты? С тем, что здесь действуют совсем другие принципы — религиозной терпимости и плюрализма, и государства Запада эти принципы обеспечивают. Мигранты из монотеистических культур или культур, где царит идеологический монизм, оказываются в пространстве, в котором ценным является иное (не служба религиозной истине, к примеру) и тоже сакральное: либеральные ценности, такие как свобода совести и веры, демократия, право выбора, многообразие и плюрализм, терпимость и т. д. И в таких сложных условиях, чтобы обеспечить безопасность и стабилизировать своё поликультурное общество, Западу приходится «перерабатывать» плюральность в границах проекта мультикультурализма (Н. Федотова обозначает его политику в виде идеологии и действий государства, тезисом «интеграция без ассимиляции») [13, с. 4].

Единственно верным решением становится признать различия — один из символов современности. Таким образом, в плюралистической парадигме отражаются множественные идеологии, как западные, так и не-западные, но все они нацелены на один объект — поликультурное общество, в качестве которого с учетом фактора коммуникации в XXI веке выступает «глобально-фрагментарный», глокальный «универсум различий». Все возникающие дискурсы «сосредоточены на прагматических подходах к многообразию мира и направлены на то, как в этом мире жить и как им управлять» [11, с. 5].

Глобализация не устраняет многообразие культур, она способствует осознанию ценного присутствия рядом *других, но равноценных своему*, обществ и культур. Одновременно с этим усиливается «конфликт идентичности и мультикультурализма» (Н. Федотова) между людьми, мыслящими локально, и людьми, мыслящими категориями глобального мира. В любом случае для многообразия культур требуется обнаружить интегрирующие рамки, потому что интеграция культур и их дифференциация — тесно взаимосвязанные процессы.

Таким образом, со-бытие большого количества культур и высокая доля противоречивых взаимосвязей между ними являются явно выраженными направлениями культуры XXI века. Мы воочию наблюдаем, как, с одной стороны, развивается тенденция усиления дифференциации культур в условиях накопления культурной реальностью новых смыслов множественности, плюральности, мозаичности, многоликости и многоголосия, а с другой — усиливается потребность найти интегрирующие рамки для их многообразия.

Не менее актуальной проблемой, которая только возрастает по ходу развития глобализации, является проблема эффективной межкультурной коммуникации. Обозначим эту парадигму как «*диалоговую парадигму*». Проблематика диалога только расширилась по ходу развития глобализационных процессов, более того, она затрагивает вопрос о культурном развитии мирового сообщества в целом, его перспективах.

Стоит отметить, что в научной литературе данная тема достаточно полно изучена. Э. Левинас и М. Бубер разрабатывали диалогическую философию. Диалог как феномен культуры исчерпывающе исследован такими авторами, как М. Бахтин, Л. Выготский, М. Каган, Ю. Лотман, Л. Коган, Л. Фейербах, Э. Кассирер, В. Библер и многими другими.

М. Бахтин, в частности, охарактеризовал диалогические отношения как «почти универсальное явление, пронизывающее все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение... Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, вещи, — с ними можно только диалогически общаться...» [14, с. 48]. Как общение в культуре, общение между разными культурами мыслил бытие в культуре

В. Библер, определяя её через диалог, соединяющий людей, утверждая, что разум культуры актуализируется как разум общения логик, культур [12, с. 156].

С ростом значимости диалога заметно меняется формат диалога, его общая тональность и тематика в связи с тем, что в эпоху глобализации количество участвующих в глобальном диалоге расширилось. М. Маклюэн справедливо отмечает, что «электронная связь перевела диалог на глобальные масштабы» [7, с. 342]. При этом намного более открытым становится межкультурное общение.

В современных дискуссиях относительно диалога можно вычленировать как минимум три приоритетных направления. Точка зрения иракского исследователя Аль-Джанаби категорична: «взаимопонимание Востока и Запада и тем более западно-восточный синкрисис идей и верований исключается как по генетическим, так и по сущностным основаниям». Диалог западной и восточной культур «реально неосуществим в силу коренной разнородности цивилизационных начал»; при осознании и сохранении их гетерогенности и фатально неустранимой антиномичности возможны лишь деловые и практически позиционные отношения [15, с. 177].

Философы Э. Левинас, М. Бубер, В. Библер, М. Бахтин и др. придерживаются другой точки зрения. Диалог между различным возможен, более того, он может быть *только* между *различным*. Благодаря тому, что наличествует бытие другого, иного, рефлексирова по поводу чутких отношений между «своим» и «чужим», можно определить границы «своего». И эти процессы (осознание «иного» и осмысление «своего») слиты воедино. Надеяться на улучшение качества диалога можно лишь изначально признав со-бытие «своего» и «иного» как со-бытие *различного*. Культура — это «общение *разных* разумов, то есть общение через пропасть полного непонимания и — в насущности — истинного взаимопонимания» [12, с. 198].

С учётом современных вызовов в дискурсе безотлагательного поиска приемлемых оснований диалога формируется третий подход. Речь уже идёт не о возможности/невозможности диалога, а о том, чтобы минимизировать имеющиеся препятствия на пути к равноправному общению культур. Считая основной причиной сложных отношений религиозные убеждения, нормы и идеалы, наименее доступные из всех культурных явлений в реализации подлинного межкультурного диалога, У. Макбрайд заключает, что религии — это «тупики, неустранимые препятствия, которые останутся даже после устранения всех прочих преград на пути к межкультурному диалогу» [16, с. 83]. В этой ситуации единственно правильным решением станет проявление терпимости.

В качестве одного из оснований для диалога цивилизаций может послужить единство (при всём различии у всех мировых религий моральный знаменатель — общий). Рациональный выход таков: не-Западу потребуется уважать сакральные для Запада либеральные ценности, а Западу — глубже понимать фундаментальные религиозные и философские основы других цивилизаций. Уже в ближайшем будущем «мир будет состоять из непохожих друг на друга цивилизаций, и каждой из них придется учиться сосуществовать со всеми остальными» [17, с. 48].

Действительно, причиной существенного затруднения продуктивного диалога являются фундаментальные различия культур в их верованиях и базовых ценностях, несоизмеримость цивилизационных признаков. Но понимание того, что диалог насущен, подводит к развёртыванию современных дискуссий в рамках формулирования принципов диалога. Диалог, основанный на идее равенства всех культур, права на свою точку зрения, на принципах непредвзятости и уважения востребован современной эпохой.

Согласимся с мнением С. Капицы, сказавшим, что в XXI веке человек будет вынужден от многих привычных вещей отказаться (как в области представлений о человеке, морали,

идеологии, так и в сфере технологии). Его поставят перед необходимостью «не только возлюбить ближнего, но и возлюбить дальнего, гораздо в большей степени», чем в прежние эпохи. Чем раньше приступить к решению этой задачи, тем лучше, так как религия, культура, идеология должны подстроиться к новому будущему [9, с. 6]. Коридор доступных человеку возможностей будет тем шире, чем быстрее он осознает свою ответственность.

Как мы видим, крайне важный современный дискурс распознаётся в рамках диалоговой парадигмы и сосредоточен на прагматических подходах к диалогу. Опираясь на многообразие культур и проявляя терпимость, глобальное сообщество сможет плодотворно функционировать.

Представив несколько с нашей точки зрения заслуживающих пристального внимания исследовательских парадигм анализа современной культуры, мы приходим к выводу, что культуру, как фундаментальное явление, не представляется возможным изучать с точки зрения какой-либо одной парадигмы, так как она не будет исчерпывающей. Сложность современного этапа развития культуры требует для анализа полипарадигмального подхода, следуя принципу А. Бора: на одном языке никакое сложное явление описать нельзя.

С другой стороны, это также подтверждает, что сегодня в науке не существует единого мнения относительно сущности современной культуры, что можно объяснить следствием плюрализма в самой культуре. Важно осознавать, что культурологический смысл уникальных теорий каждого исследующего культуру ученого проясняется только во взаимоположении и сопряжении разнообразных культурологических концепций, форм понимания бесконечно-возможного бытия культуры. Именно такая культурологическая парадигма в условиях современности является более продуктивной, отражая собой характерный для самой культуры параметр множественности.

Принять ту или иную из вышепредставленных парадигм однозначно нам не представляется возможным. В современной культуре назрел момент «сдвига парадигмы», что наводит нас на поиск новой парадигмы, новой мировоззренческой позиции. Следы её формирования в науке возможно обнаружить в середине прошлого века, когда синергетика, оперирующая категориями открытости, необратимости и т. д., заложила основы нового видения мира, культуры и человека.

В своей философской концепции В. Егоров представляет идею открытого мира, призывая интегрировать разные области знания и изучать мир в единстве его многочисленных составляющих. Подход с позиции открытости мира представляет собой самый абстрактный и мировоззренчески предельный уровень, отражающий идею о безначальности и бесконечности мира [18, с. 49]. Подобное мировосприятие приобретает сегодня актуальную и значимую форму, так как культура, по нашему мнению, сама по себе открыта, как и мир, что отражает многосущность самой культуры. Познавать её единую бесконечно открытую природу — в этом заключается пафос познающего мышления. И если любая эпоха оборачивается формированием в ней особенного разума, особенного понимания мира и особой культурой, то 21 век стал веком прямого и полного общения культур, породив общество коммуникации. Интенсивная циркуляция идей, информации, технологий, самих людей говорит нам о том, что мир стоит внутри самой открытой эпохи за весь период развития человечества.

Открытость сегодня актуальна (А. Турен) и становится притягательным дискурсом для анализа. К примеру, П. Бергер считал, что без «открытости миру» как главной «антропологической константы» человеческая природа невозможна в принципе [19, с. 82]. Антропологические импликации термина «открытость миру» также интересовали Г. Плеснера, А. Гелена, И. Флегге.

Современное общество, в отличие от индустриального, уже не меняет средства производства, а изменяет цели производства, т. е. культуру, нравы и этику. И если считать, что «каждый век находит свои технологии» (Дж. Поллок), то одной из важнейших технологий развития в 21 веке становится открытость. «Век доступа» (Дж. Рифкин) сделал интернет открытым пространством, где происходит обмен знаниями, опытом, информацией, выясняются сферы общего интереса и сотрудничества. Мысль о том, что вся культура представляет собой открытую площадку, становится ключевым постулатом современности. В повседневной жизни нас с некоторых пор ежедневно преследует атрибут «открытый»: открытое образование, открытое кино, музыка, форум, студия и т. д. Нам предъявляется огромное разнообразие культурных практик, где главным фокусом ставится центральный нарратив открытой культуры.

А. Бергсон в своё время представил движение от закрытого к открытому как прогресс, как «шаг вперёд». В замкнутых (закрытых) культурах жизнь определяется инстинктами, а в открытых — ведущей является духовность. Открытые культуры общаются с другими культурами и культивируют равенство всех людей и святость индивидуальной свободы [20, с. 288].

К. Поппер в своей концепции целиком сосредоточился на области политики и социологии, лишь изредка упоминая о культуре, рассматривая признаки открытого общества в плоскости либеральных ценностей, где главной была свобода. Как и А. Бергсон, он видел прогресс в естественном движении общества к состоянию открытого общества, резюмируя в середине XX века: «открытые общества ... — самые лучшие, свободные и справедливые, наиболее самокритичные и восприимчивые к реформам из всех, когда-либо существовавших» [21, с. 15].

На наш взгляд, такие категориальные пары как «открытое/закрытое общество», «открытая/закрытая культура» в последние годы практически утратили свои гармоничные корреляции. Пытаясь уточнить теоретические понятия «открытость культуры» и «открытая культура», мы обнаружили большое разнообразие, как, впрочем, и большую неопределенность трактовки данных понятий.

Д. Лихачёв назвал открытость «врождённым» свойством российской культуры, отмечая, что она «носит открытый характер по отношению к другим культурам человечества» [22, с. 9]. Однако в нашем понимании открытость — *врождённое* свойство *любой* культуры, которая открыта изначально, исходно.

А. Асмолов, отмечая многообразие нашей культуры, предупреждает, что российская культура рискует и «обречена на уход», если не станет открытой и полифоничной, так как «нет ничего опасней закрытых, фундаменталистских, фанатичных культур»¹. Автор отмечает связь между открытостью и полифонией, воспринимая открытость как жизнь культуры, её «не-смерть», но опять же остаётся в рамках неактуальной типологии «открытая — закрытая».

Ответ на вопрос, кто или что закрывает/открывает культуру, также представляет большой интерес. Р. Рюттингер выделяет сильные (открытые) и слабые (закрытые) культуры; сильные открыты изнутри и извне и наделяются атрибутами «беспорная, живая, сильная» [23]. А. Гикиш не вполне корректно акцентирует, что развитая культура — это открытая культура [24]. Говоря о России, нашу «неординарную» открытость (курсив наш — М.К.) отмечает В. Чурбанов [25, с. 36–38]. А какую открытость можно назвать ординарной?

¹ Культура России как ее стратегический ресурс // Сборник научных трудов. Тетради международного университета в Москве. Вып. 2. Культура как стратегический ресурс. — М., 2004. — С. 4–10.

Согласно авторской концепции Ю. Лотмана, считающего культуру как сложно построенный текст или совокупность текстов, любую культуру можно отнести либо к культуре *замкнутого типа*, либо — *незамкнутого*. Культура первого типа — более *текстовая*, при этом текст обладает признаками незавершенности и открытости (имеет «принципиально открытый характер»); культура второго типа — «более *функциональна*», при этом «одни и те же ценности будут занимать различные места в шкалах ценностей культур различных типов» [26, с. 61].

Для уточнения теоретических понятий есть основания учесть также и системно-физическую параллель. Г. Малинецкий, С. Курдюмов, С. Капица, В. Аршинов, Ю. Данилов и другие учёные изучали открытость как свойство сложноорганизованной системы. Междисциплинарный характер данного явления, отмеченный И. Пригожиным и Г. Хакеном, привел к тому, что сложные развивающиеся системы стали актуальными объектами исследований; особый интерес вызывал их переход в качественно новые состояния. С точки зрения синергетики все разномасштабные развивающиеся системы представляют собой открытые неравновесные системы, в разной степени взаимодействуют с внешней средой, обмениваясь с ней энергией и/или веществом. В работах О. Плебанек, Е. Николаевой, Н. Моисеева, Р. Ровенского, Е. Кузьминой, Е. Матюниной, А. Гикиш и других представлен современный взгляд на культуру — она является сложноорганизованной, динамичной, саморазвивающейся, открытой системой. В культуре-системе в силу открытости возникает интегральное имманентное состояние (упорядоченность или организованность).

Для развития и естественной эволюции культуре нужно обмениваться информацией с окружающей средой, что она и делает, обладая уникальными свойствами всепроницаемости и всепроницаемости, «впитывает в себя все импульсы близких и дальних культур и других цивилизаций» [27], благодаря чему обогащается новыми идеями, инновациями. Все изменения в культуре носят системный характер (все части системы эволюционируют), что приводит к изменениям во всей системе. Локальные культуры входят в общечеловеческую культуру (более крупную систему), и их эволюция приводит к трансформации всей суперсистемы.

Процессам развития сложных систем отводится определяющая роль, так как в развитии системы, прошедшей точку кризиса, наступает новый этап, когда культура переходит в одно из возможных качественно новых устойчивых состояний. Выход реализуется либо *деструктивным* путём, что разрушит упорядоченную систему, либо *конструктивным* (переход в устойчивое состояние с более высоким уровнем организации), считает Р. Ровинский [28, с. 164–166]. Открытость имеет здесь главное значение, так как именно из внешней среды вследствие взаимодействия с ней поступает свежая энергия и/или вещество, обеспечивая выход из кризиса.

Обзор, приведенный выше, подтверждает наличие значительного разброса мнений по поводу открытости и разных интерпретаций данного понятия. Тем не менее, целесообразно выделить три основных подхода к осмыслению концепта «открытость культуры».

Первый представлен с точки зрения философии (В. Егоров и его «синергично-информационный мировоззренческий подход»): новое понимание культуры взаимосвязано с идеями бесконечности и открытости, обусловленными реальной многосущностью культуры.

Второй («синергетический») подход трактуется с точки зрения теории физических систем и реализуется в постулате «открытость — свойство культуры как системы».

В теориях М. Бахтина и В. Библиера выявлен *третий* (культурологический) подход. Существующая «единая культура человечества состоит из многих меньших, принципиально открытых культур» [14, с. 502]. За счёт осуществления диалога с другими культурами она в основном и функционирует; контакты и живой обмен информацией являются внутренней

тенденцией эволюции культуры. Таким образом, вне открытости культура не эволюционирует, не развивается.

Все эти подходы помогают нам выйти на представляющее для нас исследовательский интерес положение, что культура открыта и открытость присуща культуре априори, становясь свойством, в итоге определяющим всё. Импульсы извне проникают в культуру только в силу её открытости.

Обобщая представления об открытости культуры, определим, что *открытость культуры есть её имманентное, сущностное свойство.*

Что касается «открытой культуры», необходимо отметить, что в широком смысле мы подразумеваем, что открытой является любая культура. И тогда возникает вопрос: если открыты все культуры, и они характеризуются одинаковыми свойствами, такими как динамичность, проницаемость, эластичность, гибкость, подвижность, организованность и т. д., и происходящие в них процессы схожи (поток нового, широкомасштабные взаимодействия с внешней средой и т. д.), то почему необходимо говорить о *различных* открытых культурах? В одной культуре её главные элементы не разрушаются при вхождении новых смыслов, а в другой — размываются. От чего это зависит?

По словам Л. Гумилёва, «культура, одинаковая для всех народов, невозможна, поскольку все этносы имеют разный вмещающий ландшафт и различное прошлое, формирующее настоящее, как во времени, так и в пространстве» [29, с. 19]. Любая культура всегда детерминирована социально; она обладает специфическими цивилизационными, конкретно-историческими, этническими, национальными, региональными и другими характеристиками, существуя в определенном времени и пространстве. Соответственно, различные культуры в узком смысле имеют разную степень открытости, и можно говорить о разных моделях открытой культуры.

Находясь в тесной связи с обществом, культура становится его основой, проекцией, и многое зависит от набора функций, которые берет на себя общество в регулировании этих отношений. «Преимущественные права на нее [открытость] всегда предъясвляет социальный порядок», считает П. Бергер [19, с. 86]. Если общество позволяет культуре быть открытой, то в какой степени? Учитывая всевозможные преимущества и одновременно риски, решится ли оно полностью открыть все «шлюзы» своей культуры? Либо принимая во внимание какие-то контраргументы (какие?), установит режим контролируемой открытости? И возможно, сузят каналы, перекроет все «шлюзы», попытается «закрыть» культуру? Здесь возникает множество вопросов, впрочем, как и иллюстративных примеров: периоды глухой изоляции Кореи в XIV–XIX веках, политика «контролируемой открытости» Японии, исламских культур, России. Так или иначе, но в границах каждого общества складывается свой локус рационально избранной открытости, так как оно полагает, что именно в таком объёме она станет благом для его культуры.

Так мы приходим к выводу, что понятие «открытой культуры» тесно переплетено с понятием «общества». *Открытая культура* — *интенционально заданный обществом тот или иной объем открытости культуры*, так как степень открытости своей культуры определяет общество [1].

В век глобализации многие культуры переживают огромные сложности по той причине, что весь контекст 21 века диктует всем культурам перейти к модели с *существенным* объёмом открытости, «*открыться открытости*», осознать этот новый смысл культуры. Поэтому открытая культура имеет такой высокий статус в современности. Ставший единым мир, связанный общими кризисами и проблемами, всемирной сетью, а вместе с ним и культура демонстрируют свою безграничную открытость как свою важную сущность. Глобализация —

это не то, что мы надеемся или хотим сделать, «это то, что со всеми нами происходит» [30, с. 88].

Мы решаем предъявить парадигму открытости, сравнив с ней уже существующие парадигмы, которые под её призмой приобретают ещё большую выпуклость.

1. культуры открываются и чётко обнажается неравенство и разрывы (очевидно, кто сегодня «глобал», кто «локал», а кто «полу-» (З. Бауман), то есть резко проявляются признаки парадигмы неравенства;
2. культуры открываются, и теряется твердая точка опоры, болезненно ощущается зыбкость (идентичности, истории, человека, культуры). Смещается всё к границам — парадигма кризиса;
3. открытость стала источником трансграничности, транскультурности, уничтожения однополярного мира, расширения плюрального, отмирания однополярного, демонстрируя, что однополярный мир уже попросту невозможен — проявление парадигмы плюрализации культурной реальности;
4. открываются и общаются так или иначе все культуры, однако их общение складывается по-разному; диалоговая парадигма актуализируется.

Мы прояснили, что в концепте «открытость» кроется смысл сущностного, имманентного свойства культуры. Применение атрибутивного комплекса «открытая культура» диктует его сопряжение с интенциональной установкой общества на определённый объём открытости культуры.

События последних двух лет способствуют обновлению интереса к вопросу и о сущности открытости культуры. Последствия и воздействия глобальной пандемии, обрушившейся на мир, существенно корректирующие установки и модели поведения культур в ареале открытости, требуют обширной рефлексивной деятельности учёных и специалистов, прогнозирования будущего состояния мировой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кораблина М.В. Парадигма открытой культуры в эпоху глобального диалога // Диалог культур: проблемы, пути решения и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 26–27 апреля 2012 г. — Тюмень: ТОГИРРО, 2012. — С. 125–130.
2. Тис Д. Инновации стали открытыми / Д. Тис. — URL: <http://emigration.russie.ru/news/6/6251>.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. — М.: Academia, 1999. — 956 с.
4. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. — М.: Прогресс, 1993. — 656 с.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. — 1994. — № 1. — С. 33–48.
6. Тойнби А.Дж. Постижение истории / А.Дж. Тойнби. — М.: Прогресс, 1991. — 736 с.
7. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего / М. Маклюэн. — М.: Академический проект, 2005. — 496 с.
8. Кутырев В.А. Апология человеческого (предпосылки и контуры консервативного философствования) // Вопросы философии. — 2003. — № 1. — С. 63–75.

9. Капица С.П. Синергетика и прогнозы будущего / С.П. Капица, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий. — М.: Наука, 1997. — 285 с.
10. Померанц Г. В Америку нельзя войти, оставаясь самим собой // Культура. — 2002. — № 18–19.
11. Мальковская И.А. Глобализация и транскультурный вызов незападного мира // Социс. — 2005. — № 12. — С. 3–13.
12. Библер В.С. От наукоучения — к логике культуры (Два философских введения в двадцать первый век) / В.С. Библер. — М.: Издательство политической литературы, 1991. — 292 с.
13. Федотова Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человек. — 2003. — № 6. — С. 50–58.
14. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.
15. Анিকেев Е.Н. Диалог цивилизаций: Восток — Запад // Вопросы философии. — 1998. — № 2. — С. 173–177.
16. Макбрайд У. Глобализация и межкультурный диалог // Вопросы философии. — № 1. — 2003. — С. 80–87.
17. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии / Г. Хакен. — Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2003. — 320 с.
18. Егоров В.С. Философия открытого мира / В.С. Егоров. — Воронеж: Издательство НПО МОДЭК, 2002. — 320 с.
19. Бергер П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Н. Лукман. — М.: Academia — Центр-Медиум, 1995. — 323 с.
20. Бергсон А. Два источника морали и религии / А. Бергсон. — М.: Канон, 1994. — 384 с.
21. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / К.Р. Поппер. — М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. — 528 с.
22. Лихачев Д.С. Русское искусство от древности до авангарда / Д.С. Лихачев. — М.: Искусство, 1992. — 408 с.
23. Рюттингер Р. Культура предпринимательства / Р. Рюттингер. — М.: ЭКОМ, 1992. — 240 с.
24. Гикиш А. Культура и её место в глобализации // Меценат и мир. — 2003. — № 25–28.
25. Чурбанов В. Сохранить и сохраниться. России нужна новая культурная политика / В. Чурбанов // Российская Федерация сегодня. — 2006. — № 15. — С. 36–38.
26. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю.М. Лотман. — СПб.: Академический проект, 2003. — 544 с.
27. Гараджа В.И. Толерантность и религиозная нетерпимость // Философские науки. — 2004. — № 3. — С. 18–31.
28. Ровинский Р.Е. Синергетика и процессы развития сложных систем // Вопросы философии. — 2006. — № 2. — С. 162–167.
29. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период / Л.Н. Гумилев. — Л.: Наука, 1990. — 279 с.
30. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества / З. Бауман. — М.: Весь Мир, 2004. — 188 с.

Korablina Marina Viktorovna

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

E-mail: marinakorablina@yahoo.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3514-6945>

RSCI: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=683832

The phenomenon of open culture and modernity challenges

Abstract. The article discusses the phenomenon of culture openness in the context of modernity challenges. The author believes that the concept “openness” is becoming actualized to a great extent; that openness, being a phenomenon of culture, is turning to be an important discourse for research works. Application of phenomenological, comparative, analytical, historical and culturally sensitive methods as well as a paradigm approach allows the author to concentrate the problems of modern culture in the area of openness and position several research paradigms of considering its essence in the context of globalization, and eventually produce a new paradigm of open culture. The author distinguishes the following paradigms. The paradigm of inequality traces technological inequality of cultures, digital gaps, unequal getting through globalization experience. The paradigm of culture crisis compiles theories based on the idea of large-scale crisis of modern culture. The paradigm of pluralization of cultural realities, accumulation of new senses of multiplicity, plurality, mosaicism and diversity. The article also touches upon the actual problem of effective cross-cultural communication within the dialogue paradigm. Stating the necessity of distinguishing the paradigm of culture openness, the author analyzes the basic attitudes towards “culture openness” and “open culture” — philosophical, synergistic and culturally sensitive approaches. Having analyzed the researchers’ theories, the author concludes that openness is an inherent and core attribute of culture. But since every culture is socially determined and, existing in a certain time and space, possesses specific civilizational, special historical, ethnic, national, regional and other characteristics, then we can talk about various degrees of openness, different models of open culture. The concept of “open culture” is closely tied with the concept “society”. Every society establishes the degree of its culture openness. So, open culture is this or that degree of culture openness intentionally determined by society.

Keywords: culture; culture openness; open culture; paradigms of culture; dialogue; philosophy of culture; modern culture